

Н.В.Ракуц

Иезуиты в бассейне Амазонки

В статье рассматриваются ход и результаты деятельности иезуитов в XVII—XVIII вв. на территориях современной Восточной Боливии и перуанско-эквадорского пограничья. Успех миссионеров в первом из указанных районов и неудачи во втором зависели не только от уровня культуры местного населения, но и от конкретной политической обстановки — наличия испанских войск, вторжения португальцев, взаимоотношений между индейскими группами и т.д.

Ключевые слова: иезуиты, Амазония, индейцы, миссии.

Территории современных боливийских департаментов Санта-Крус и Бени были еще одним районом, где деятельность иезуитов можно признать успешной и где они реализовали свою «утопию», хотя это потребовало много времени и сил. Испанцы пришли на эти земли в поисках мифических стран золота — Эльдорадо и Пайтити. Однако там, где не было даже пригодного для изготовления орудий камня, не говоря уже о металлах, золота конкистадоры не нашли. Но в результате этих походов в 1561 г., после подчинения испанской короне двух индейских групп — тамакоси и горготоки, на территории, включенной в вице-королевство Перу, был основан город Санта-Крус-де-ла-Сьерра. На место, где он сегодня отмечен на географических картах, город был перенесен лишь в XVII в., два первоначальных же его местоположения оказались неудачными, и их пришлось сменить, во многом из-за сопротивления местных индейцев¹. Санта-Крус-де-ла-Сьерра, ставший форпостом колонизации, как предполагалось, должен был также играть роль и важного перевалочного пункта на пути из Парагвая в Перу. Этому, однако, мешали и отчаянное сопротивление индейцев, и постоянная угроза португальских вторжений из Бразилии, целью которых была как охота за рабами, так и попытка пробиться к знаменитому серебряному руднику Потоси. Санта-Крус в реальности был настоящим захолустьем, численность испанского населения (мужского) не достигала в конце XVI в. даже 200 человек, и жили они исключительно сельским хозяйством — скотоводством и отчасти земледелием. Но испанцы обладали редкой способностью основывать города в самых неподходящих для этого местах: так было с Лимой, с Ла-Платой (современный Сукре в горных районах ны-

Окончание. Начало см.: Латинская Америка, 2012, № 2.

нешней Боливии — прежний центр судебного округа Чаркас) и другими. Но несмотря на то, что в районе Санта-Круса бывали длительные засухи, там наряду с местными культурами (банан, гуайява, лукума) выращивали европейские (смоква, виноград, дыня), а также хлопок, маис, маниок, рис, фасоль, чего было бы достаточно для самообеспечения. Но испанцы очень страдали от почти полного отсутствия возможности выращивать пшеницу, а маис они за хлеб не считали. Это немало поработало в свое время на иезуитов, которых индейцы повсеместно уважали за то, что они ели то же, что и их подопечные².

Для сельскохозяйственных работ требовались рабочие руки, т.е. индейцы, поскольку сами испанцы как «благородные» работать, естественно, не собирались. В результате здесь также были созданы энкомьенды — «попечительства» над индейцами, бегство которых из под такой «опеки» также стало причиной неоднократного переноса в другие места основывавшихся испанцами вблизи Санта-Круса населенных пунктов. Для испанцев в тех условиях энкомьенда была единственным реальным шансом быстро разбогатеть. Результатом стали постоянные вылазки военных отрядов в поисках тех, кого можно было бы захватить взамен сбегавших и превратить в фактических рабов, как бы красиво это ни называлось (чаще всего использовали инкское обозначение понятия «челядь» — янаконы). Но у восточных склонов Анд испанцы столкнулись с серьезными противниками в лице чиригуано (гуараниязычной группировки, переселившейся в указанный район лишь на рубеже XVI в.), а с ними были проблемы еще у инков. Чиригуано даже смогли разгромить большую военную экспедицию, организованную вице-королем Перу Франсиско де Толедо в 1574 г.³ Другим противником было полиэтническое сообщество индейцев-чикитос, т.е. «маленьких», прозванных так не по причине малого роста, а за их очень низкие жилища-полужемлянки, в которые войти можно было разве что на четвереньках. Чикитос, частью уже побывавшие под властью конкистадоров до перенесения г. Санта-Крус на новое место, успели понять ценность изделий из металла и часто устраивали набеги на испанские поселения, чтобы добыть железные орудия или просто куски железа. Набеги прекратились лишь после карательной экспедиции, результатом которой стало заключение частью чикитос мира с испанцами в 1690 г.⁴ Однако в Санта-Крусе и ближайших окрестностях было несколько тысяч индейцев — прислуга и работники в энкомьендах. Приличия требовали позаботиться об их душах. В городе некоторое время члены ордена мерседариев* пытались организовать миссию, но неудачно. Немаловажную роль в этом, надо полагать, сыграло то, что на милостыню от верующих рассчитывать не приходилось, а жалование священникам если и обещали, то не платили: власти Перу, и светские, и религиозные, уже потеряли к Санта-Крусу всякий интерес.

Потерпев неудачу с мерседариями и с попытками покорить индейцев силой, губернатор Санта-Круса попросил прислать ему иезуитов, уже прославившихся своими способностями в деле «умиротворения» аборигенов в Парагвае, Чили и кое-где в Амазонии. К тому же иезуиты в силу своей хорошей физической подготовки и непритязательности обходились вдвое

* Мерседарии — члены ордена «La orden de la Merced», созданного в Испании еще в XIII в., первоначально для выкупа пленных у мусульман.

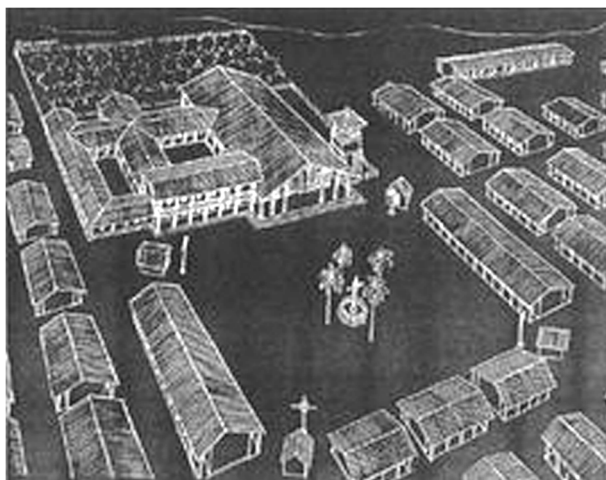

Схема редукции Консепсьон в провинции Мохос

дешевле обычных монахов или приходских священников. Иезуитов и самих интересовал Санта-Крус. Там они видели возможность работать не только с испанцами и закрепощенными индейцами, но и с индейцами еще свободными, а кроме того — они все-таки были люди своего времени — их тоже привлекала идея обнаружить мифические страны золота (Пайтити, Гран-Дорадо и Мохос, якобы хранившие сокровища бежавших от

испанцев инков). Это, правда, означало необходимость сопровождать военные экспедиции испанцев, направлявшиеся на поиски этих самых сокровищ, тем более что все испанцы Санта-Круса, включая губернатора Суареса де Фигероа, только и жили мечтами обнаружить золотые и серебряные прииски, по слухам, якобы существовавшие где-то к северу от города, в провинции Мохос. Но чтобы получить доступ к вождленным металлам, надо было сначала «умиротворить» индейцев, ибо покорить их силой оружия не удалось. Значит нужны были миссионеры. Так, по согласованию с провинциальным начальством Общества, раньше, чем в Парагвае — уже в 1587 г. — в городе появились иезуиты (двое священников и один брат-коадьютор). Один из видных деятелей этой миссии, отец Диего де Саманьего, был искренне убежден в возможности скорой находки мифического золотого Пайтити, что, по его мнению, послужило бы и к вящей славе иезуитов, о чем он прямо писал в письме генералу Клаудио Аквавиве (пятому главе иезуитов, 1581—1615 гг.).

К чести Аквавивы, одного из самых (если не самого) выдающихся генералов за всю историю Общества Иисуса до 1767 г., он отнюдь не разделял подобных устремлений своих подчиненных и вскоре даже категорически запретил им участвовать в военных экспедициях против индейцев, работу с которыми он полагал главной заботой Ордена. Он же, кстати, почувствовав, что пришло время менять стиль деятельности, стал настаивать на переходе от кратковременных «летучих» миссий к постоянным — редукциям, полагая последние более эффективными⁵.

Однако реальная обстановка в Санта-Крусе вынудила иезуитов приспосабливаться к обстоятельствам, учитывая и то, что они сразу оказались в полной зависимости от губернатора (он предоставил им помещение с церковью, оплачивал насущные расходы и т.д.). Скоро их число увеличилось до девяти человек (семь священников и два коадьютора), но легче от этого не стало. Приходилось работать с испанцами и метисами, обычно жившими в незаконных браках с индеанками, часты были ссоры по поводу имуществ и т.п., что вынуждало иезуитов улаживать внутренние конфликты: население, фактически оторванное от окружающего мира, тогда состояло

из 160 испанцев и метисов, включая 75 энкомендеро, и 3000 прислуживавших им индейцев и индеанок. Необходимо было также бывать на энкомьендах у работавших там индейцев (таких было 8000 душ) и совершать более длительные поездки к индейцам, считавшимся «дружественными». Стали делаться и попытки обращения воинственных чиригуано. Но о создании редукций на время пришлось забыть: как и в других местах, иезуиты вынуждены были работать за нерадивых священников. В городе было еще три мерседария, но в отличие от иезуитов никто из них не знал никакого языка, кроме испанского, а новые миссионеры быстро освоили языки чиригуано, т.е. гуарани, чанé — аравакский и горготоки, на котором говорила часть чикитос. Иезуитам приходилось посещать и другие испанские поселки, а к «диким» индейцам можно было попасть, только если забраться очень уж далеко — усилиями «добрых христиан» Санта-Круса к 1604 г. (к тому времени он уже был 12 лет как перенесен на другое место), на 50 лиг вокруг города не осталось ни одного индейца не только из-за прямого истребления или бегства населения, но и из-за болезней, занесенных колонистами. Правда, миссионеры, в одиночку или по двое в самом начале своей работы еще добирались до «дикарей», живших тогда ближе, на расстоянии в 30 лиг к востоку от города, в провинции Итатин, а падре Саманьего несколько раз один ходил к чиригуано. Иногда миссионеров призывали отдельные вожди, так как группы чиригуано враждовали не только с испанцами, но и между собой. Однако в такой обстановке вряд ли можно было рассчитывать на успех христианских проповедей, хорошо еще, что оставались живы. В большинстве же случаев индейцы просто не желали пускать к себе миссионеров. В этой ситуации даже подарки помогали мало.

Среди «крусењос» — жителей Санта-Круса — авторитет иезуитов был высок, но работать результативно в тех условиях они не могли. Тем более что уже в 1590 г. с целью улучшения снабжения и поиска новых индейцев для закабаления было решено перенести город западнее, поближе к Андам. Иезуиты были поставлены в безвыходное положение: индейцев и на новом месте нужно было умиротворять, в то время как нападения на окрестности испанских банд охотников за рабами продолжались с благословения губернатора. И временами иезуиты сами сопровождали такие банды, полагая это меньшим злом, чем если бы они так не делали, считая, что таким образом они смогут хоть как-то уменьшить насилие, о котором им к тому же приходилось умалчивать в письмах своему начальству. Например, иезуиты лишь отметили огромную убыль индейского населения в результате эпидемии 1590 г., безусловно явившейся одной из причин переноса города на другое место в 1592 г., но не сообщили, что распространили ее колонисты, объяснив все наказанием, ниспосланным индейцам свыше за их грехи.

Стремясь выйти из под губернаторской опеки и найти, как это было позже и в Парагвае, место, удаленное от испанских поселений для создания миссий, иезуиты стали также сопровождать военные экспедиции, отправлявшиеся на поиски Пайтити, т.е. на север, в сторону провинции Мохо, и тоже обычно заканчивавшиеся банальной охотой за рабами. Иезуиты надеялись, что так они все-таки доберутся до свободных индейцев, не таких враждебных, свирепых и безжалостных дикарей, как те, о которых им рассказывали работорговцы (и через земли которых для этого надо было пройти), но которых сами иезуиты чаще всего в глаза не видели и потому

Индейцы миссий Чикитании, 1831

постоянно требовали их присутствия в городе, свои «летучие миссии» к индейцам чикитос и даже к чиригуано они не прекращали даже после того, как все эти испанские походы за сокровищами провалились. Последний имел место в 1624 г., иезуиты еще надеялись обосноваться в Мохос, где экспедиции обнаружили довольно многочисленное и обеспеченное население. Но к тому времени (уже в самом начале XVII в.) все их попытки закрепиться среди чиригуано и чикитос закончились ничем и были оставлены⁶.

Результат миссии в Санта-Крусе оказался неожиданным. Постоянно терпя неудачи, иезуиты, однако, вместо того, чтобы пытаться следовать примеру своих парагвайских собратьев, продолжали участвовать в военных экспедициях, включая карательные, до середины 1670-х годов, и в глазах индейцев стали настолько прочно ассоциироваться с солдатами, что сами же сделали свою миссионерскую деятельность невозможной. Стремясь к тому, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, они фактически оказались на стороне колонистов, с которыми в условиях Санта-Круса у них были общие интересы, в том числе экономические, причем эти интересы они отстаивали даже перед своим высшим руководством⁷. Результат был закономерен для организации со столь строгой дисциплиной, как Общество Иисуса, не терпевшее неподчинения начальству. Поскольку уже имелся успешный опыт в Парагвае, и цель создания новых редукций на подходящих для этого территориях никто не отменял, а также на основании информации, предоставленной самими же иезуитами Санта-Круса, которую они собрали во время экспедиций, было решено выяснить возможность создания миссий на землях индейцев чикитос и мохос (о последних миссионеры уже уверенно сообщали, что христианизация возможна). Помимо охоты за душами, имевшиеся сведения убеждали орденское начальство создать группы редукций в тех местах еще и потому, что они могли стать реальной преградой на пути португальских бандейрантов, угрожавших и самому Санта-Крусу. Но очевидным было и то, что миссионерская деятельность должна была быть полностью отделена от интересов колонистов-крусеньос. При этом первую территорию, населенную чикитос, так называемую «Чикитанию», административно (в церковном смысле) подчинили провинции Парагвай и назначили туда иезуитов из г. Тариха. А земли индейцев мохос хотя и остались в составе провинции Перу, но иезуиты

вынуждены были основываться на рассказах. Приказ генерала Аквивы был ими практически проигнорирован, поскольку ему они предпочли тезис падре провинциала Хосе де Акосты о том, что сопровождение солдат необходимо для безопасности миссионеров, и ссылались на то, что сопровождают якобы исследовательские экспедиции. Несмотря на то, что власти

Санта-Круса, как слишком зависимые от губернатора и колонистов, были почти полностью отстранены от участия в создании там редукций. Проще говоря, их сочли неблагонадежными, неподходящими для столь ответственного дела, и в дальнейшем привлекали разве что для предварительной разведки местности, но уже, естественно, без солдат. Слишком затянувшийся подготовительный этап формирования редукций был завершен «сверху».

Уже в 1669 г. из Перу был прислан падре Хулиан Аллер, который вместе с миссионером из Санта-Круса, иезуитом Хуаном де Сото, проник в Мохос и оставался там около месяца совершенно один, отказавшись от сопровождения четырех солдат, как то предписывалось губернатором. Он не только остался жив, несмотря на растущую вражду мохос к испанцам вообще и миссионерам, в частности, но, хорошо зная язык гуарани, сумел расположить к себе индейцев, составил довольно детальное описание их образа жизни и материальной культуры, подчеркивая отсутствие у мохос идолопоклонства и расположенность жителей провинции к крещению. Он также составил первые, еще рудиментарные, словарь и грамматику местного языка, особо отметив наличие изрядного количества испанских заимствований вследствие прежних контактов с экспедициями колонизаторов и миссионерами. По возвращении Аллера все собранные им сведения были представлены провинциалу иезуитов в Перу⁸. Результаты, казалось, обнадеживали: решено было создать миссию в провинции Мохос, в которую назначили трех иезуитов — Педро Марбана (главу), Сиприано Барасе и Хосе дель Кастильо. Примечательно, что все они не имели отношения к миссии Санта-Круса и получили полномочия действовать полностью независимо от местных властей, но только в 1674 г. Педро Марбаном по приказу перуанского вице-провинциала Эрнандо де Каберо были написаны специальные инструкции относительно того, что именно миссионерам следует знать, прежде чем основывать редукцию. Эти инструкции — очень любопытный документ, включающий дюжину пунктов (словно руководство для современной этнографической экспедиции): количество селений и жителей в них, расположены ли они услышать слово Божие, язык/языки, наименования народов и их численность, обычаи и ритуалы, наклонности, обеспеченность продовольствием, не опасно ли там для миссионеров, что им потребуется для начала работы, каковы перспективы миссии и т.д. Такая детализация, кстати, показывает, что инструкции Каберо, вероятнее всего, — далеко не первый документ такого рода, а перечисленные в нем пункты впоследствии образуют своего рода оглавления обобщающих трудов о коренных жителях, написанные иезуитами уже в XVIII в., но явно на основании собранных ранее материалов⁹.

На всю эту предварительную работу миссионерам отводился один год, и продлилась она с лета 1675 по середину весны 1676 г. Выполнить, во многом по объективным причинам (все трое заболели малярией и попали на место как раз в сезон дождей), удалось только часть программы, да и то полученные сведения основывались, прежде всего, на расспросах индейцев одного маленького района, так как всю провинцию не обследовали. Но хотя отчет о проделанном не очень удовлетворил ни Каберо, ни отца Барасе, было принято решение продолжать работу. Впрочем, продолжение началось с двух последовавших одна за другой «инспекций», участникам которых было поручено проверить и перепроверить данные отчета и вынести

Церковь в одной из редукций Чикитанин

решение о целесообразности миссии. Обе инспекции высказались положительно, три миссионера отправились на полгода к мохос, в том числе и для языковой практики, и лишь после такой специальной подготовки, завоевания доверия местного населения (включая установление хороших отношений с местными касиками посред-

ством их одаривания и т.п.) и выбора подходящего места, в 1682 г. была основана первая редукция — Нуэстра Сеньора де Лорето¹⁰. Всего же в Мохос было создано 15 редукций (точнее 20, но к 1767 г. пять уже прекратили существование), причем последняя редукция — Сан-Симон на востоке области была основана только в 1744 г.

Причин для столь медленной работы было много. Одна из них — крайняя этническая и языковая пестрота: в Парагвае миссионеры работали почти исключительно с гуарани и обходились одним языком, а в провинции Мохос население говорило на 39 разных языках. Поэтому попытка ввести в миссиях в качестве языков общения только испанский и мохо успехом не увенчалась, и в конечном счете языками миссий здесь стали семь. При этом в одной миссии обычно оказывались собранными вместе группы, говорившие на трех-четыре разных языках. То, что миссионеры ограничили число языков, используемых для евангелизации, понятно: иезуитов здесь было слишком мало — как и в Парагвае, по двое на редукцию. Но обернулось это культурными потерями: языки, не ставшие «*lingua franca*», в итоге в большинстве своем просто исчезли.

Другой сложностью было разнообразие политической и социальной организации аборигенов. Собственно мохос и баурэ (араваки), относительно недавно пришедшие с севера, и некоторые их соседи из аборигенных групп представляли собой довольно структурированные сообщества. В одних влиятельной элитой были шаманы, в других — вожди. В группах слабо организованных даже вожди практически не имели власти, разве что во время войны. В итоге ко всем нужен был особый подход, вырабатывавшийся часто методом проб и ошибок, что иногда обходилось дорого. В 1697 г. в одной из редукций произошло даже восстание (спровоцированное, впрочем, действиями не иезуитов, а доминиканцев, трудившихся по соседству), умиротворенное индейцами соседних миссий, а в 1702 г., при вступлении в земли баурэ, падре Барасе, которого сопровождали лишь четыре индейца, был убит. Для баурэ это закончилось карательной экспедицией с участием солдат из Санта-Круса, а первая редукция на их территории, Ла-Консепсьон, была основана лишь в 1709 г.

Работу осложнял и разный хозяйственный уклад населения: одни группы были более оседлыми, другие менее, одни практиковали достаточно развитое земледелие, другие почти все время кочевали, больше полагаясь

на охоту, рыболовство и собирательство. В тех условиях это было понятно: в стране, где чередовались сухой и дождливый сезоны, хозяйство могло быть только комплексным. Причем сезон дождей означал наступление настоящих потопов и наводнений, когда население уходило от воды подальше и возвращалось через несколько месяцев. К тому же раз в несколько лет реки меняли русла. С этим связано и колебание количества редуций: их иногда приходилось переносить. Так, Лорето перенесли на другое место уже через два года после основания, в 1684 г. (индейцы часто делали то же со своими деревнями, которые именно потому были невелики). А иной раз редуции просто забрасывали и основывали новые. Но по парагвайскому типу их создавать было невозможно: сначала редуцией объявлялась группа деревень, более или менее близко расположенных друг от друга. И только затем они постепенно сводились в одну (в Лорето этот процесс занял пять лет), которую старались застраивать, хотя и скромно, но по уже разработанному в Парагвае плану. Внутренняя организация и управление, а также жизненный распорядок здесь также строились по парагвайскому образцу. Редуции были меньше парагвайских: Лорето, где жили 2300 человек, была крупнейшей из них. Всего же в 20 миссиях жили максимум 35 тыс. индейцев, т.е. в среднем по 1600 человек на редуцию против почти 5 тыс. в Парагвае. Из них крещеными были только около половины населения, остальных, поселившихся при редуциях в поисках защиты от закабаления колонистами или по другим причинам, иезуиты рассчитывали привлечь постепенно, что, в общем-то, и происходило. При этом миссионеры понимали, что заинтересованность в христианстве у мохос была чисто практической: им была важна защита от испанцев и португальцев, которых они одинаково опасались, а иезуиты смогли создать хорошо организованную и обученную милицию, хотя им и не разрешили использовать огнестрельное оружие. Кроме того, индейцам очень хотелось иметь престижные железные орудия — ножи, мачете, топоры и прочее.

Более гибкими были и сами условия жизни в редуциях. Хотя иезуиты и наладили выращивание риса, хлопка, какао, сахарного тростника, но от традиционных для индейцев маниока и маиса, как и в Парагвае, отказываться не собирались, а разведение крупного рогатого скота отнюдь не отменило охоту и рыболовство¹¹. Отрицательные стороны сведения населения в редуции были такие же, как везде: утрата многих языков, снижение мобильности населения, занесенные извне эпидемии. В Мохос индейцев отчасти спасала бóльшая, чем у гуарани, географическая изолированность, и постепенно население смогло адаптироваться к европейским болезням.

В некотором смысле иезуитам здесь было даже легче, чем на юге. Так, в Мохос полигамия была довольно редким явлением, хотя приниженное положение женщин было таким же, как и в Парагвае. Иезуиты постарались его изменить, сократив рабочие нагрузки, т.е. трансформировали традиционную систему полового разделения труда, возложив на мужчин основные полевые работы.

До изгнания иезуитов в 1767 г. их редуции и здесь были экономически самообеспечивающимися, что в первую очередь объяснялось хорошими земледельческими навыками большинства населения. Кроме того, здесь столь же успешно, как и в Парагвае, были организованы различные мастерские для внутреннего обеспечения. Все недостающее, что нельзя было производить на месте, доставлялось из Санта-Круса в обмен на ткани, хлопок, воск, мед. Но на обслуживание города редуции совершенно не ориентировались. К тому же некото-

Индийский танец с мачете («Воскресение Христа») на празднике в миссии

рые продукты и средства они получали из иезуитских поместий в горном Перу и из колехио (учебных центров) перуанского побережья в Лиме и Трухильо, по крайней мере с начала XVIII в.¹².

Аналогичным вышеописанному было положение с миссиями в области Чикитос/Чикитании северо-восточнее Санта-Круса, хотя име-

лись и некоторые отличия. Так, если в случае с Мохос иезуиты сами шли туда, чтобы наладить контакты с индейцами, то в случае с Чикитанией — наоборот, именно индейцы, потерпев в 1690 г. поражение от испанцев в результате карательной экспедиции последних, совершенной после их очередного набега, отправили в Санта-Крус депутацию с предложением мира и в доказательство своих добрых намерений просили прислать им миссионеров-иезуитов¹³. Впрочем, других, кто бы на такое решился, все равно тогда было не найти. А как раз к этому времени в город подоспели посланные именно для этой цели (миссии в Чикитос) иезуиты из г. Тариха, так что все совпало как нельзя удачно. Первая миссия в Чикитании, Сан-Франсиско-Хавьер, была основана назначенным в район супериором Хосе де Арсе (погиб в Чако в 1715 г.) и Антонио де Ривасом уже в 1691 г., примерно в 215 км к северо-востоку от Санта-Круса. На протяжении последующих 70 лет было создано еще 11 редукций, но две из них по прошествии некоторого времени слились с другими, более удачно расположенными, так что с полным правом можно говорить о десяти миссиях Чикитос. Пять из них позже меняли местоположение, причем неоднократно. Иезуитские реляции свидетельствуют о том, что и здесь индейцы сопротивлялись созданию редукций. Но они вынуждены были принять миссионеров, потому что оказались между молотом и наковальней: набеги «крусеньос», с одной стороны, и португальских бандейрантов — с другой. И как бы испанские колонисты ни были против «изъятия» иезуитами столь желанной для них бесплатной индейской рабочей силы¹⁴, им пришлось согласиться с тем, что именно индейцы в качестве вспомогательных войск оказались, под руководством иезуитов, способны отразить набег португальцев на провинцию в 1696 г. Огнестрельного оружия у индейцев не было, но, если вспомнить качество и скорострельность оружия того времени, то станет понятно, почему хороший лучник стоил иной раз больше, чем мушкетер. Впоследствии чикитос привлекались и для других военных мероприятий, в частности, для борьбы с набегами чиригуано.

Сложность работы с индейцами в провинции Чикитос заключалась, также, как и в Мохос, в этнической пестроте населения. Хотя реляции иезуитов здесь, как ни жаль, менее подробны, чем в других провинциях, из них следует, что миссионерам все же удалось найти тот язык (они называли его просто «язык чикитос», это был язык горготоки, по современным лингвистическим данным признанный неклассифицированным и считаю-

щийся вымершим), который стал главным в миссиях. Но даже согласно отчету за 1745 г., из почти 15 тысяч индейцев, живших тогда в редукциях, на горгопки говорили лишь 65,5% обитателей миссий, 11% — на аравакском, а остальное население — на иных языках. Впрочем, истинную численность населения редукций Чикитании мы не знаем, поскольку многие индейцы жили при них, не будучи крещенными, а их при подсчетах не учитывали¹⁵.

Большая удаленность и географическая изолированность Чикитании превратили ее редукции в еще одно полностью автономное образование. Каждая редукция управлялась по парагвайскому образцу — двумя иезуитами и индейским советом (исп. *кабильдо*) из восьми человек с касиком во главе. В сельском хозяйстве миссий Чикитос главное место занимали маис, а также рис, фасоль, тыквы и бананы, хотя производимого не хватало для нужд населения, главным образом потому, что продукты не могли долго храниться. Производство сахарного тростника, водки и патоки ограничивалось исключительно местными потребностями для медицинских целей. Производился также хлопок, который, как и воск, предназначался прежде всего для торгового обмена. И география местного экспорта включала не только территорию собственно Верхнего Перу (современная Боливия) но и другие области вице-королевства. Животноводство, внедренное иезуитами, позволяло сократить время для охоты и увеличить то, которое требовалось для полевых работ, ремесел и участия в религиозных действиях. И еще редукции Чикитос располагали ресурсом, крайне важным для всей провинции, — солью. В совокупности редукции и здесь оказались, как и в собственно Парагвае, экономически самообеспеченными, способными справиться с выплатой королевского налога и приобретать то, что не могли произвести сами. Но, как и в Парагвае, практически никаких экономических выгод Обществу, что бы ни писали об этом колонисты и просветители, редукции не приносили, и цели такой не ставилось.

Культурная жизнь в редукциях Восточной Боливии была аналогична парагвайской, описанной в предыдущей статье, и, судя по всему, на нее ориентировались как на образец. Можно лишь согласиться с исследователями вопроса в том, что и здесь христианизация, при всех существенных трансформациях, связанных с переходом на оседлость, не означала полного разрыва с прежним образом жизни, поскольку и в Чикитании иезуиты ориентировались на местные традиции реципрокности* и распределения, выработанные до них, и на возможное невмешательство в культуру без крайней необходимости. Да и тот факт, что при миссиях селились еще некрещенные, только недавно вышедшие из лесов индейцы, не мог не сказаться на сохранении традиций. Но одно существенное отличие от Парагвая было: в миссиях сохранялись несколько индейских языков, и при этом к моменту изгнания иезуитов местное население владело испанским вполне сносно¹⁶.

Совершенно в иной ситуации иезуиты оказались в провинции Майнас, располагавшейся между реками Путумайо на севере и Мараньон и Амазонкой на юге. Сегодня это перуанская территория, до 1942 г. принадлежавшая Эквадору. В колониальное время она входила в иезуитскую про-

* Реципрокность (от лат. *reciprocus* — возвращаю) — взаимность, эквивалентный обмен материальными ценностями или услугами.

винцию Новая Гранада и Кито. Здесь опыт создания редукций большинство исследователей сегодня признает неудачным, на что, однако, были свои причины. Прежде всего, парагвайская модель редукции не могла быть эффективной в условиях значительно большей мобильности населения (охотники-рыболовы-собиратели с рудиментарным земледелием, основной культурой был горький маниок, долго хранящийся, что облегчало кочевой образ жизни) и опять-таки его крайней этноязыковой пестроты. Испанские колонисты вторгались в район, начиная со второй половины XVI в., в поисках золота и земель для энкомьенд. Только после двух восстаний индейцев майнас (по имени которых и была названа провинция) — в 1570 г. и в 1635 г. — губернатор призвал иезуитов, создавших первую миссию в 1638 г. Хотя первые попытки проникнуть на Амазонку они делали еще в самом начале XVII в., но их вынудили уйти сами же испанские энкомендеро. Уже к тому времени депопуляция местного населения вследствие военных действий, принудительного труда и занесенных эпидемий (в частности, их рассадником стали первые миссии, созданные в Майнас францисканцами) сократила численность индейцев почти на 90%. В итоге понятие «миссии» у них четко ассоциировалось с уходом на тот свет. К тому же в условиях прямой военной опасности иезуитам не разрешили действовать иначе, как в сопровождении солдат, которые и сгоняли население в основываемые миссионерами поселки, а потом не давали ему разбежаться. Конечно, иезуиты применяли уже опробованную практику подарков, но все началось именно с насилия. Кроме того, у майнас не было столь влиятельных вождей, как у гуарани, поэтому найти опору было труднее. Все же к 1651 г. существовало уже 12 миссий, в которых кроме майнас жили хэберо и кокама. Последние, впрочем, в 1663 г. убили одного из миссионеров, падре Фигероа, в 1666 г. восстали и были умиротворены лишь три года спустя. Походы в поисках индейцев для сведения в редукции продолжались и позже, только солдат постепенно заменяли индейскими союзниками — хэберо, а несколько позже также омагуа. Часть индейцев все же удавалось так или иначе удерживать в редукциях в силу той же опасности, что и в других местах (риска быть захваченными испанскими энкомендеро или вездесущими португальскими бандейрантами), и привлекая подарками¹⁷.

Еще одной проблемой, связанной с насилием, стало применение наказаний за проступки. Публичная порка, тюремное заключение, высылка, использовавшиеся в Парагвае, среди майнас воспринимались как формы пытки — практики, до того неизвестной в верховьях Амазонки. Да и сама жизнь в довольно больших селениях, включавших представителей разных этнических групп, была тяжела и необычна для людей, привыкших к маленьким, рассеянным на большой территории поселкам. Скученность в редукциях нередко приводила к случаям убийства, после чего население разбегалось. Чтобы избежать этого, иногда приходилось создавать очень маленькие редукции с населением в несколько сотен или даже десятков человек. Проще было с хэберо и особенно с высокоорганизованными омагуа (язык группы тупи-гуарани), для которых иезуиты даже просили разрешения вооружить их, как в Парагвае, огнестрельным оружием для защиты от португальцев. Но в Майнас им такого разрешения дано не было¹⁸.

Совершенно провалившимися можно считать попытки иезуитов создать редукции среди индейцев, говорящих на языках тукано. Кочуя по обшир-

ной территории, достаточно удаленной от испанцев и португальцев, они не видели никакой нужды в миссионерях, к тому же, если это казалось почему-либо выгодным (получение тех же подарков, например), они то приходили в иезуитскую зону влияния на правом берегу Путумайо, то уходили в зону францисканцев — на левый берег. Хотя несколько редукций среди них все же удалось создать, тукано отказывались делить их с кем бы то ни было, даже с сородичами из других групп, опасаясь колдовства с их стороны. В результате в середине XVIII в. 1000 тукано жили в девяти миссиях. Создание в таких условиях в Майнас экономически независимых редукций просто не представлялось возможным. Они существовали на дотациях, которые должны были поступать вовремя, иначе население разбегалось, не получив ожидаемых подарков (хотя и редукции Майнас, ориентируясь на более южные образцы, также производили, в том числе и для обмена, корицу, какао, воск, гамаки, керамику). Показательно, что редукции в Майнас были полностью освобождены от королевского налога, который платили миссии Парагвая, Чикитании и Мохос. К тому же даже в 1768 г., когда иезуитов изгнали из колоний, в Майнас их было всего 28 человек, работавших в 41 поселке с общим населением порядка 18 тыс. жителей¹⁹.

Матео Риччи, глава иезуитской миссии в Китае

Нельзя сказать, что миссионеры не пытались менять методы работы. В 1744 г. они, наконец, (к сожалению, поздно) отказались от насильственных методов. Тогда произошло примирение миссионера с индейским вождем после убийства другого иезуита, и впервые это событие не было отмечено карательной экспедицией. Но исправить уже ничего было нельзя: еще с 1704 г. миссии вступили в полосу кризиса из-за частых эпидемий. Запрет на посещение миссий чужаками ничего не давал, так как редукции ставились на реках — единственных в тех местах путях сообщения. С 1710 по 1767 г. провинция опустошалась эпидемиями 15 раз. Редукции тукано были покинуты почти полностью, что довершило крушение дела иезуитов в Майнас.

Евангелизация не удалась (даже при иезуитах большинство индейцев миссий были на положении «учеников», т.е. еще некрещенных недавних поселенцев), и христианство в провинции Майнас после ухода иезуитов практически исчезло, но следы их присутствия все же сохранились в местной культуре. Так, стремясь преодолеть трудности, связанные с многоязычием, иезуиты попытались обучить индейцев общаться на кечуа. Хотя в результате они не везде добились успеха, но на этом языке и сегодня говорит население по берегам реки Напо. А те же тукано, лишь через иезуитов вступившие в контакт с высокоорганизованными омагуа, за время сущест-

ования миссий научились использовать каноэ, гарпун и ввели в рацион не известные им прежде виды ихтиофауны. Таким образом, иезуиты косвенно повлияли на сам процесс их адаптирования к собственной природной среде, для чего тукано и некоторым другим группам не хватало именно общения с соседями, лучше освоившими полезные ресурсы²⁰.

Почему же деятельность иезуитов в Майнас дала результат, столь отличный от Парагвая, Чикитании и Мохос? Хотя среди них и здесь были выдающиеся личности, не уступавшие своим коллегам из миссий на юге, — падре Феррер, первый исследователь индейских групп Майнас, падре Фриц, создатель первой карты Мараньона и др. Вероятно, дело именно в тех условиях работы, которые в Майнас разительно отличались от прочих (испанское военное присутствие и соответственно более упорное индейское сопротивление; близость португальской опасности, поскольку бандейранты уже хорошо освоились на Амазонке; частые эпидемии), и в образе жизни местного населения, столь не похожего на известные ранее и малопонятного (если вообще понятного) образованному европейцу того времени, что и не позволило создать основу для успешной деятельности. Большинство из указанных причин краха работы миссий описал в своем труде «История королевства Кито» еще в 1789 г. китонский креол-иезуит Хосе де Веласко, который жил тогда уже в изгнании в Италии. Однако, даже с учетом того, что этот труд написал человек, тосковавший по утраченной родине, которую он считал несостоявшимся земным раем, и восхвалявший, что естественно, деятельность ордена, к которому принадлежал, согласиться с Веласко можно в одном отношении: будь у иезуитов, после того, как они смогли сменить политику в отношении индейцев, побольше времени, вполне возможно, что результат их работы и в верховьях Амазонки оказался бы иным. Ведь известно, что в других местах, начиная практически с нуля казалось бы безнадежное дело, они добивались успеха, как в том же Парагвае и Мохос. Но увы, история не знает сослагательного наклонения...²¹.

Современный иезуитский исследователь выделил семь условий, при наличии которых деятельность миссионеров может быть успешной, считая, что все семь имелись только в Парагвае: относительно гомогенная культура населения, предрасположенность части аборигенов включиться в систему миссий для собственной успешной культурной эволюции, создание новой смешанной христианско-индейской культуры — связи между миссионерами и индейцами; наличие средств защиты индейцев от их врагов, политика добровольной изоляции от европейского общества, создание собственной милиции как для обороны, так и в целях престижа, экономическое процветание²². Однако, как показывает изложенный нами материал, эта схема недостаточно точна: в Чикитании, а тем более в Мохос, всех семи элементов в наличии не было (особенно в том, что касается культурной гомогенности), однако результаты получились весьма сходными с парагвайскими. Значит, вероятно, требуется что-то еще, что мы еще не можем до конца определить. Другое дело, что в Майнас из описанных условий (в том числе и в силу кратковременности пребывания там иезуитов) отсутствовали практически все. В то же время, хотя теперь нередко можно услышать мнение, что иезуиты не имели единой модели евангелизации, сама возможность выработки такой схемы показывает, что ее-то они как раз имели, и основана она была прежде всего на постулатах Х. де Акосты, по крайней мере,

для всей Америки. И успех или неуспех ее применения часто зависел от способности конкретных миссионеров вовремя ее скорректировать²³.

Как бы то ни было, рассмотренный материал свидетельствует, что иезуиты успешно реализовали свою, как ее часто именуют, утопию, по крайней мере, трижды: в Парагвае, Чикитании и Мохос, и во всех трех случаях это было не пустое фантазирование, а реальность. Так что утопией было не то, что иезуиты хотели построить (этого они как раз в целом добились), а то, что они думали, что их творению (представлявшему альтернативу колониальной эксплуатации) в том мире позволят существовать. Вероятнее всего, как думается, не позволили бы и в нынешнем, «неолиберальном и демократическом».

За пределами нашего рассмотрения остались другие интересные попытки иезуитов обосноваться на землях испанской Южной Америки — в Чако, Чили, Пампе и Патагонии, а также в бассейне р. Ориноко, к описанию которых мы надеемся обратиться в будущем. Хотя и неудачные в большинстве своем, они, тем не менее, также интересны и показательны с точки зрения налаживания культурного взаимодействия. И каждый такой опыт и сегодня поучителен, поскольку иезуиты в XVI—XVIII вв. сделали, пожалуй, первую попытку создать по-настоящему глобальную организацию, для членов которой домом был весь мир. Методы их работы в Америке значительно отличались от тех, что применялись, например, в Китае, Индии или где-либо еще, но иначе и быть не могло. И в каждом случае эффективность избранных методов они в буквальном смысле слова проверяли на самих себе. Несмотря на огромную научную работу, проделанную в области изучения деятельности иезуитов в Америке, о самом Обществе (по крайней мере, о его прошлом до 1767 г.) до сих пор бытуют не совсем верные представления (учитывая, что большинство научных трудов о деятельности иезуитов написано на испанском и португальском языках). Но общественный интерес к этой теме существует. В этом смысле весьма показателен голливудский фильм «Миссия», снятый в 1986 г. Но он, увы, страдает всеми пороками продукции Голливуда: великолепный с точки зрения кинематографии, он — совершенное ничто с точки зрения истории, так как изобилует массой неточностей, и более того, в нем смешаны события XVII и XVIII вв. как якобы происходившие в одно время²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ A.M é t r a u x. The Native Tribes of Eastern Bolivia and Western Matto Grosso. — Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, Bulletin 134. Washington, 1942, p. 118; J.M.G a r c í a R e c i o. Los jesuitas en Santa Cruz de la Sierra hasta los inicios de las reducciones de Moxos y Chiquitos. Posibilidades y limitaciones de la tarea misional. — Quinto centenario. Madrid, 1988, N 14, p. 79.

² A.C o e l l o d e l a R o s a. Los jesuitas y las misiones de frontera del Alto Perú: Santa Cruz de la Sierra (1587—1603). — Revista Complutense de Historia de América. Madrid, 2007, vol. 33, p. 154.

³ Th.S a i g n e s. La guerra «salvaje» en los confines de los Andes y del Chaco: La Resistencia chiriguana a la colonización europea. — Quinto Centenario. Madrid, 1985, N 8, p. 105; G.O l i v e t o. Chiriguanos: la construcción de un estereotipo en la política colonizadora del sur andino — Memoria Americana. Buenos Aires, 2010, 18-2.

⁴ A.M é t r a u x. Op. cit., p. 118.

⁵ A.C o e l l o d e l a R o s a. Op.cit., p. 155—156, 166, 168—169.

⁶ J.M.García Recio. Op. cit., p.76—77, 79; A.Coello de la Rosa. Op. cit., p. 159—169; M.C.Bravo Guerreira. Las misiones de Chiquitos: Pervivencia y Resistencia de un modelo de colonización. — Revista Complutense de Historia de América. Madrid, 1995, N 21, p. 31—32.

⁷ J.M.García Recio. Op. cit., p. 83—85.

⁸ Ibid., p. 85—86; M.C.Bravo Guerreira. Op. cit., p. 34—35; M.Livi Bacci. Eldorado nel pantano. Bologna, 2007, p. 94—96.

⁹ См., например: P.Fernández. Relación historial de las misiones de indios chiquitos que en el Paraguay tienen los padres de la Compañía de Jesús. [1726]. Madrid, 1895, t I-II.

¹⁰ M.Livi Bacci. Op. cit., p. 97—98, 102; F.de Borja Medina. ¿Exploradores o evangelizadores? La Misión de los Mojos: cambio y continuidad. — La misión y los jesuitas en la América española, 1567—1767: cambios y permanencias. Sevilla, 2005, p. 231—232; D.Block. Mission Culture on the Upper Amazon: Native Tradition, Jesuit Enterprise & Secular Policy in Moxos, 1660—1767. Lincoln and London, 1994, p. 36.

¹¹ D.Block. Op. cit., p. 16, 18, 25—27; M.Crevels. Why Speakers Shift and Languages Die: an Account of Language Death in Amazonian Bolivia. — Current Studies on South American Languages [indigenous Languages of Latin America, 3]. Leiden, 2002, p.9—13.; J.M.García Recio. Op. cit., p. 87—92; M.Livi Bacci. Op. cit., p. 101—102, 104—109, 111.

¹² D.Block. Op. cit., p.71—73; M.Livi Bacci. Op. cit., p. 106—108, 123.

¹³ A.Metró. Op. cit., p. 118; J.M.García Recio. Op. cit., p. 87.

¹⁴ M.C.Bravo Guerreira. Op. cit., p. 36.

¹⁵ R.H.Jackson. La raza y la definición de la identidad del «indio» en las fronteras de la América española colonial. — Revista de Estudios Sociales. Bogotá, 2007, abril, N26, p. 119.; см. также: A.Metró. Op. cit., p. 118—120.

¹⁶ M.C.Bravo Guerreira. Op. cit., p. 39—44; R.H.Jackson. Op. cit., p. 119; P.Fernández. Op. cit. p. 55—58; G.A.P.Groesbeck. A Brief History of the Jesuit Missions of Chiquitos. — www.colonialvoyage.com/.../bolivia/jesuit_missions.html

¹⁷ J.Casanova Velásquez. La misión jesuita colonial entre los Aido Pai (Secoya) y los asentamientos indígenas. — Investigaciones Sociales, Lima, 1998, Año 2, N 2, p. 28—29; R.Fernández dos Santos. 2008; J.Klaiber. Misiones exitosas y menos exitosas: los jesuitas en Mainas, Nueva España y Paraguay. — Los jesuitas y la modernidad en Iberoamérica, 1549—1773. Lima, 2007, p. 323—324; C.O.Aburto Cotrina. Políticas y métodos de evangelización en Maynas durante el siglo XVIII: definiendo los elementos de la cultura misionera. — Un reino en la frontera. Lima, Quito, 2000, p. 85—86; M.S.Cipolletti. Jesuitas y Tucanos en el noreste amazónico del siglo XVIII: una armonía imposible. — Ibid., p. 224, 229; S.Negro. Maynas, una mission entre la ilusión y el desencanto. — Ibid., p.272—273.

¹⁸ M.S.Cipolletti. Op. cit., p. 225, 229.

¹⁹ J.Casanova Velásquez. Op. cit., p. 31—33; M.S.Cipolletti. Op. cit., p. 227, 230—232; J.Klaiber. Op. cit., p. 324—325; S.Negro. Op. cit., p. 234; M.Marzal. ¿Las misiones jesuitas, una utopía possible? — Un reino en la frontera, p. 346.

²⁰ J.Casanova Velásquez. Op. cit., p. 32; R.Fernández dos Santos. Op. cit.; J.Klaiber. Op. cit., p. 324—325; M.S.Cipolletti. Op. cit., p. 234—237; S.Negro. Op. cit., p. 273.

²¹ E.Willingham. Locating Utopia: Promise and Patria in Juan de Velasco's historia del Reino de Quito. — El saber de los jesuitas, historias naturales y el Nuevo Mundo. Frankfurt. Madrid, 2005, p. 264—266.

²² J.Klaiber. Op. cit., p. 330.

²³ M.Marzal. Op. cit., p. 351.

²⁴ M.Haubert. Jesuitas, indios y fronteras coloniales en los Siglos XVII y XVIII. Algunas notas sobre las reducciones del Paraguay, su formación y su destrucción final. Ponencia presentada al Congreso Internacional «Fronteras en Iberoamérica, ayer y hoy». Tijuana, México, 1989.